

ДОНСКОЙ ПОВОРОТ СУДЬБЫ ПРОФЕССОРА И.А. МАЛИНОВСКОГО¹

А.В. Венков

Аннотация. Профессура Варшавского университета, эвакуированного в 1915 г. в Ростов-на-Дону и переименованного в «Донской», во время революции и Гражданской войны принимала участие в общественной жизни Дона и работала в антибольшевистских органах власти. Таким был и профессор И.А. Малиновский, специалист в области древней истории и права, который в молодости увлекался либеральными идеями. С установлением на Дону власти большевиков политическая борьба продолжалась. По мере ее обострения большевики брали в заложники видных представителей интеллигенции. Такая же история случилась летом 1920 г. с профессором Малиновским. Народный комиссар просвещения А. Луначарский проверял по поручению власти тюрьмы на Дону. Он попросил местных чекистов выслать Малиновского в Москву в распоряжение Наркомата просвещения. Донские чекисты отправили Малиновского в Москву, но в распоряжение ВЧК. Московские чекисты не разрешили Луначарскому забрать Малиновского в Наркомат просвещения, а отправили профессора на 15 лет в лагеря. В статье рассматривается механизм принятия решений органами ВЧК, имевшими право «внесудебной расправы». Оказавшись в лагере, профессор Малиновский все равно привлекался к работе в Наркомате просвещения и даже разрабатывал новые советские законы. Вскоре он был освобожден и стал академиком Украинской академии наук.

Ключевые слова: ВЧК, принятие решений, профессура, контрреволюция, Донская область, заложники.

Венков Андрей Вадимович, доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией казачества, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41; профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, andrey_venk@ Rambler.ru.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ЮНЦ РАН на 2020 г. (00-20-15 № госрегистрации 01201354248).

DON TWIST OF FATE OF PROFESSOR I.A. MALINOVSKY

A.V. Venkov

Abstract. The professorate of the University of Warsaw, evacuated in 1915 to Rostov-on-Don and renamed "Donskoy", took part in public life on the Don during the revolution and civil war and worked in anti-Bolshevik authorities. Professor I.A. Malinovsky was among them. He was a specialist in ancient history and law and was fond of liberal ideas in his youth. With the establishment of Bolshevik power on the Don, the political struggle continued. As it was worsening, the Bolsheviks took prominent intellectuals hostage. The same story happened in the summer of 1920 with Professor Malinovsky. People's Commissar of education A. Lunacharsky, on behalf of the authorities, checked prisons on the Don. He asked local chekist to send Malinovsky to Moscow at the disposal of the people's Commissariat of education. Don chekists sent Malinovsky to Moscow, but at the disposal of the Cheka. The Moscow chekists did not allow Lunacharsky to take Malinovsky to the people's Commissariat of education, but sent the Professor to camps for 15 years. The article deals with the mechanism of decision-making by the Cheka bodies that had the right to "extrajudicial execution". Once in the camp, Professor Malinovsky was still involved in the work of the people's Commissariat of education and even developed new Soviet laws. Soon he was released and became an academician of the Ukrainian Academy of Sciences.

Keywords: Cheka, decision-making, professorship, counterrevolution, Don Region, hostages.

Venkov Andrey V., Doctor of Science (History), Professor, Head of Cossacks Laboratory, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, 41, Chekhova Ave., Rostov-on-Don, 344006, Russia; Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, andrey_venk@rambler.ru.

В Архиве УФСБ по Ростовской области обнаружено «Архивное уголовное дело по обвинению Малиновского Иоаникия Алексеевича и других», начатое в 1920 г. [Архив УФСБ РО, д. П-53176]. Дело касалось видного русского историка, специалиста по истории права в Древней Руси и в Великом княжестве Литовском, преподававшего в Донском университете (ныне Южный федеральный университет) в 1917–1920 гг. Известно также, что И.А. Малиновский был видным членом партии Народной свободы (конституционные демократы) и занимал видные посты в деникинском правительстве на Юге России.

В 1920 г. несколько преподавателей Донского университета были расстреляны по обвинению в контрреволюции, однако И.А. Малиновский избежал смерти, был направлен в Москву, из ДонЧК в ВЧК, через какое-то время освобожден и даже избран во Всеукраинскую Академию наук.

Цель данной работы на примере известного ученого выяснить особенности отношения местной и центральной власти к представителям науки, побывавшим в противостоящем большевикам лагере, на завершающем этапе Гражданской войны и сразу после ее окончания.

В исследовании широко применяется историко-антропологический метод, поскольку исследование касается различных специфических страт общества.

В современной отечественной историографии профессору И.А. Малиновскому посвящены две статьи О.М. Морозовой. Наибольший интерес представляет статья «Нарратив профессора И.А. Малиновского» [Морозова, 2008], в которой автор, опираясь на автобиографическую рукопись И.А. Малиновского, написанную в самом начале 1920 г., дает его историко-психологический портрет. Кроме того, И.А. Малиновскому посвящен ряд кратких биографических статей в местных справочных изданиях.

Перед нами предстает поляк, искренне считающий себя русским человеком, но занимающийся в основном исследованиями истории права на западно-русских территориях, отошедших в состав Великого княжества Литовского. И.А. Малиновский – сын ремесленника из провинциального города Острога Волынской губернии, но обучение, а затем и преподавательская деятельность связывают его с такими университетами, как Киевский имени Святого Владимира, Томский, Казанский и, наконец, Варшавский императорский, где он, поляк, испытывает некий дискомфорт и даже чувство вины перед свободолюбивыми поляками. В молодые годы И.А. Малиновский увлекался революционными идеями, преследовался полицией и даже приговаривался к тюремному заключению, правда, всего на один месяц. Но его революционные настроения не пошли далее идей партии конституционных демократов. Попав во время эвакуации 1915 г. вместе с университетом из Варшавы в Ростов-на-Дону, И.А. Малиновский принял самое живое участие в политической и просветительской жизни города, хотя торговый, спекулянтский Ростов ему не понравился. Февральская революция, видимо, удовлетворила все его ожидания

в области политики. Он стал гласным городской Думы, председателем культурно-просветительской комиссии при городской управе. Но логика развития событий, логика углубления социального противостояния, привела И. А. Малиновского в «стан врагов революции». В конце ноября 1917 г. партия конституционных демократов была объявлена большевиками «партией врагов народа».

В 1918–1919 гг. на Юге России установилась власть антибольшевистских сил. Активную работу в аппарате белого правительства (Особого Совещания при Главнокомандующем ВСЮР) И. А. Малиновский начал в 1919 г., когда донские белые казаки признали высшую власть генерала А. И. Деникина. Он стал членом Совета при начальнике управления народного образования Особого Совещания. Ему, видимо, импонировало стремление генерала А. И. Деникина «восстановить основы государственности и социального мира» [Деникин, 2002, с. 366]. Управлением народного просвещения руководил И. И. Малинин, которого А. И. Деникин считал членом либеральной группы в своем правительстве [Деникин, 2002, с. 379]. Как считал тот же Деникин, «Ведомство народного просвещения под управлением Малинина и под руководством профессора Новгородцева, не ломая основ и уклада и не прокладывая новых путей, работало упорно над восстановлением русской школы и улучшением положения учителя» [Деникин, 2002, с. 425]. Такое поведение И. А. Малиновского было довольно типично для представителей либеральной интеллигенции. Они видели, что А. И. Деникин опирается на видных деятелей партии кадетов, самой популярной партии среди интеллигенции. А жизнь в достаточно сытом тыловом городе Ростове-на-Дону не давала четкого представления о накале борьбы, которая шла на истребление.

Зимой 1919–1920 гг. И. А. Малиновский вместе с деникинским правительством был в Екатеринодаре, где и написал воспоминания о своей жизни. В начале февраля 1920 г. состав правительства изменился. И. И. Малинина сменил Ф. С. Сушков. В марте 1920 г. Красная армия выбила белые части в Крым, и И. А. Малиновский, уцелев в суматохе эвакуаций, капитуляций и эпидемий, вернулся в Ростов, в родной университет, который с 1917 г. стал называться «Донским».

Город Ростов-на-Дону, наряду с Екатеринодаром, Новороссийском и Одессой, был во время Гражданской войны местом сосредоточения беженцев из центральной России. В Крым в начале 1920 г. переправились далеко не все. Многие беженцы, уже одним своим бегством продемонстрировавшие неприятие Советской власти, остались в Ростове и его окрестностях, затаились, выжидали. Естественно, они вызвали подозрение у советских силовых структур.

«В мае 1920 года в Ростов приехал Ф. Э. Дзержинский, – вспоминает бывшая сотрудница Дончека М. А. Машковцева. – Я еще раз услышала его страстное выступление перед чекистами. Особенно мне запомнились его слова: «Ростов можно сравнить с редиской: снаружи красная, а внутри – белая. Ростов взят красными воинами, но внутри его сильна контрреволюция. Город начинен шпионами, диверсантами, прочей разной нечестью. Нам, чекистам, предстоит в короткий срок

выкорчевать всю эту заразу и сделать Ростов действительно советским городом. Ленин надеется, что мы, чекисты, с честью справимся с этой задачей» [Памятные страницы, 1998, с. 24–25].

Работу Дончека в это время трудно назвать системной. В отчете о работе за год говорилось: «...В течение отчетного периода значительное количество времени было уделено на свою организацию, учет всех врагов Соввласти и уже только последнее время начинается строго разработанная борьба с контрреволюционными явлениями, организациями» [Из доклада Донской..., 1998, с. 26]. Контрреволюционной организацией были признаны меньшевики, и занимался ими Особый отдел Кавказского фронта.

«В первом периоде существования Соввласти, естественно главное внимание Чека было обращено на расправу с теми видными белогвардейцами, которые были оставлены Врангелем для работы или, не успели удрать со «своими». Измученный рабочий класс и крестьянство, над которыми в течении двух лет издевались белогвардейцы требовали справедливого возмездия за тысячи зверски измученных рабочих и крестьян» [Из доклада Донской..., 1998, с. 26].

«Однако, по мере того, как постепенно налаживалась жизнь, Красная Армия добывала последние остатки Врангеля на Кавказе и сжимала к Крымскому полуострову остатки его войск, великодушный, всепрощающий рабочий класс и в лице его Советская власть ослабили свои преследования за старые преступления, — говорилось в отчете ДонЧК. — Этим не замедлили воспользоваться белогвардейцы, и наступившее по всей области спокойствие в июле 1920 г. уже разрушено появлением отдельных незначительных банд, производящих налеты на хутора и станицы, где они вырезывали коммунистов и советских работников. К этому же периоду относится организация зелено-дизертирских банд» [Из доклада Донской..., 1998, с. 26].

Как вспоминал засевший с Русской армией в Крыму П.Н. Врангель, «по донесениям наших разведчиков казаки всюду враждебно относились к советской власти» [Врангель, 1992, с. 245]. Переломным моментом было введение продразверстки, предполагавшей изъять 33,3% от среднего производства товарного хлеба до войны на Дону и 65% на Кубани. На Дону, Кубани и Тереке уже действовало несколько повстанческих отрядов.

В это время был арестован целый ряд известных донских ученых, и среди арестованных оказался И.А. Малиновский, профессор Донского университета. 30 июня 1920 г. он был арестован «за к-р (контрреволюцию) и за участие и видную деятельность в партии каде (конституционные демократы — А.В.) на Дону» [Архив УФСБ РО, л. 180].

Вопрос о нем встал, когда ситуация на Дону обострилась в связи с высадкой десанта полковника Ф.Д. Назарова.

В июле 1920 г. Врангель планировал поднять казачье восстание на Дону. Для этого была запланирована высадка десантного отряда на азовское побережье под

Таганрогом. «Был создан отряд во главе с полковником Ф. Д. Назаровым в составе 900 человек, 2 орудий, 1 броневедомоци. Отряду была придана радиостанция. В отряде было много офицеров. Назаров предполагал, что его отряд станет кадром для новой "Донской армии", и подобрал в качестве будущих командиров популярных офицеров из всех донских округов» [Венков, 2013, с. 410–411].

Дончека в отчете о работе за год отмечала: «Врангелевская контрразведка подготавливает восстание на Дону в помощь готовящемуся десанту Назарова, с какой целью призывает на Дон значительное количество офицерства, и в Ростове организуется организация под названием "Белый Крест", ставящая своей задачей снабжение б. офицеров и белогвардейцев фальшивыми документами и оказание им материальной помощи. Однако эта организация была немедленно раскрыта и ликвидирована ДонЧК. Все же белогвардейцам удается поднять несколько станиц против Советской власти. Более или менее плотно организовались несколько банд, пока, наконец, Врангель выбрасывает в тыл нам Назарова. Белогвардейщина сразу подняла голову и со стороны ДонЧека пришлось применить целый ряд экстренно-серьезных мер для сохранения спокойствия как в самом Ростове, так в окрестностях, благодаря чему наши войска нанесли решительный удар Назарову, сразу решивший его участь» [Из доклада Донской..., 1998, с. 26–27].

4(17) июля десант высадился под Таганрогом у станции Кривой, утром 5(18) июля перешел железную дорогу Таганрог – Иловайск и устремился вглубь территории Области Войска Донского. 9(22) июля Назаров занял Александро-Грушевск. Красные части, расположенные в низовьях Дона, были брошены на перехват – одни по железной дороге на Гуково и Провалье, другие – вверх по Дону на баржах на Кочетовскую.

На опустевшем Дону Ф. Д. Назаров не смог не только поднять казаков, но и «разжиться» лошадьми для отряда. Первый удар он получил под станцией Сулин от 9-й стрелковой дивизии, но сумел оторваться. 10(23) июля красные (бригада пехоты и полк кавалерии) настигли Назарова в Верхне-Кундрюченской, но тот успел уйти за Донец. 11(24) июля 2-я Донская и 9-я стрелковая красные дивизии атаковали Назарова в Константиновской. Бой длился 14 часов, доходя до рукопашных. В полночь красные ввели резерв – полк кавалерии – и взяли станицу. 14(27) июля остатки назаровского десанта были перехвачены у хутора Топилин и рассеялись» [Венков, 2013, с. 411].

Такое подробное описание военных действий дается, чтобы соотнести с ними события, связанные с И. А. Малиновским.

И. А. Малиновский, как мы помним, был арестован за две с половиной недели до высадки десанта. Примерно в одно время с ним ДонЧК арестовала других известных ученых Ростова – профессоров Жандеру, Гудникова и приват-доцента Успенского. 24 июля, когда шли бои за станицу Константиновскую, Коллегия ДонЧК (Андрienко, Вольмер, Звякин, Логинов. Салтыков) постановила: «Принимая

во внимание их (арестованных – А.В.) непримиримую позицию по отношению к Советской власти, то, что их ученый труд был направлен на уничтожение и подавление трудящихся, вышеуказанным профессорам, как сознательным и неисправимым врагам трудящихся – применить высшую меру наказания. Но ввиду того, что некоторые из указанных профессоров представляют из себя видную ученую величину – санкцию запросить в ВЧК» [Архив УФСБ РО, л. 29].

25 июля зампред ДонЧК Логинов запросил по прямому проводу Президиум ВЧК: «Просим санкции высшей меры наказания четырем величинам ученого мира профессорам Малиновскому, Жандеру, Гудникову и приват-доценту Успенскому. Ныне большое тяготение донской молодежи и буржуазии сплотиться вокруг этих видных контрреволюционеров. В зависимости от военного положения будут расстреляны без вашей санкции» [Архив УФСБ РО, л. 27, 27об.]. Из этого запроса явствует, что органы ДонЧК арестовали ученых не по конкретному обвинению, а в «профилактических» целях, и что после боя в Константиновской они не были уверены в исходе дела по уничтожению десанта. По данным П.Н. Врангеля, «остатки отряда отошли в Сальские степи» [Врангель, 1992, с. 307]. Ожидая повторного появления отряда Назарова вблизи административных центров, чекисты и готовы были расстрелять арестованных «в зависимости от военного положения».

К счастью, в судьбу Малиновского вмешался нарком просвещения А.В. Луначарский. Он в это время находился в Ростове и по поручению СТО и Председателя ВЦИК Калинина занимался разгрузкой тюрем и пересматривал дела некоторых смертников. Делал он это не как нарком просвещения, а как уполномоченный РВСР (Революционного Военного Совета Республики), высшего военного органа страны. 28 июля он написал в Москву члену Коллегии ВЧК И.К. Ксенофонтову, который одновременно с апреля 1920 г. был представителем ВЧК в Верховном трибунале при ВЦИК [Гражданская война, 1983, с. 309]. Луначарский писал: «В тюрьме я натолкнулся и на профессора Малиновского. Я знал, что Дончека расстреляла перед тем нескольких профессоров, среди них некоторых известных ученых. Не сомневаюсь ни на одну минуту, что профессора эти были людьми враждебными нам и конечно думаю, что применение к ним такой меры является совершенно нерасчетливым и не хозяйственным делом. Надо было посадить их в тюрьму или в концентрационный лагерь, и через пару лет они сделались бы шелковыми и, конечно, не мало послужили бы нам как спецы». Малиновского Луначарский охарактеризовал как человека большого и запуганного, «но говорят, что человек он знающий и осмысленный... Обещал совершенно лояльную работу в той области, которая ему будет указана» [Архив УФСБ РО, л. 92]. Местные чекисты обещали, что Малиновского вышлют в Москву в распоряжение Луначарского «пассажирским порядком» [Архив УФСБ РО, л. 92об.]. Так что И.А. Малиновскому повезло, что рассматривающий дела смертников уполномоченный РВСР оказался еще и наркомом просвещения.

2 августа Коллегия ДонЧК (Малков, Соловьев, Зявкин, Вольмер, Логинов) заслушала телеграмму из Москвы о возможности выслать Малиновского в Москву

и постановила дело профессора Малиновского выделить и направить в распоряжение ВЧК. [Архив УФСБ РО, л. 28]. Но из-за общего состояния дорог перевод Малиновского в Москву затянулся.

Одна из дочерей Малиновского дошла до Н.К. Крупской, написала ей письмо, что Ксенофонтов дал согласие на перевод Малиновского в Москву, она сама уже обращалась к известному историку и старому большевику М.Н. Покровскому, была у Луначарского, все они обещали помочь. В ноябре 1920 г. прошла амнистия, в которой обещалось, что будут выпущены подсудимые, которые не опасны Советской власти [Архив УФСБ РО, л. 22, 22об].

Н.К. Крупская послала в Коллегию ВЧК записку: «Уважаемый товарищ, пересылаю письмо дочери проф. Малиновского, арестованного в Ростове-на-Дону. Может быть, возможно было бы ускорить разбор дела Малиновского и перевезти его в Москву. С тов. Приветом Н.К. Ульянова». На записке резолюция: «Ягоде. Прошу дать справку. 14.11.1920». Ниже: «Приобщить к материалам, которые придут вместе с арестованным Малиновским из Ростова-на-Дону (подпись)» [Архив УФСБ РО, л. 21].

На примере дела Малиновского виден механизм принятия решений в органах ВЧК. Местные чекисты обещали Луначарскому выслать Малиновского в его распоряжение, но выслали в распоряжение ВЧК, где дело было передано в Секретный отдел ВЧК, который вел работу против политических партий (меньшевиков, эсеров) и духовенства. Как будет видно из последующих документов, дело Малиновского отправили в 4 отделение Секретного отдела (борьба против правых партий) [Лубянка, 2003, с. 21].

12 декабря 1920 г. уполномоченному СОВЧК тов. Штейнгарту направлено заключение сотрудника [для] поручений А. Голунковского: «Рассмотрев следственный материал по делу № 7542 по обвинению профессора Малиновского И.А. в контрреволюции, выразившейся в том, что он, Малиновский, в бытность владычества белых на Дону принимал видную деятельность в партии КАДЕ, был организатором Союза национального центра, также министром просвещения при Деникине, сотрудничал в различных АНТИСоветских газетах и журналах, где ясно видна его ненависть к Советской власти, из чего явствует, что как сам Малиновский, так и его политические убеждения в сторону благоприятную Рабоче-крестьянскому Правительству никогда не изменятся, а потому, считая его явным врагом Советской власти, полагаю бы гр. Малиновскому высшую меру наказания применить». От руки добавлено: «гр. Малиновский содержится при тюрьме ВЧК». Проставлена подпись А. Голунковского и дата – 10.12.1920.

Уполномоченный СОВЧК Штайнгарт наложил резолюцию: «Нахожу, что Малиновский [нрзб] заслуживает высшей меры наказания, но принимая во внимание, что он является представителем ученого мира, к чему Рабоче-крестьянская власть всегда уделяет должное внимание, нахожу возможным высшую меру наказания смягчить на более мягкую (Подпись)».

Ниже еще одна резолюция: «ЗаклЮчить в лагеря на 15 лет. Самсонов. 13.12.20» [Архив УФСБ РО, л. 3]. Т.П. Самсонов в указанное время был начальником Секретно-оперативного отдела ВЧК [Лубянка, 2003, с. 19].

О прибытии Малиновского узнал и Луначарский. Он написал Ф.Э. Дзержинскому: «Проф. Малиновский, наконец, прислан в Москву. Соглашение между мной и Дончека о пересылке его в Москву в распоряжение Наркомпроса состоялось уже давно. Очень прошу освободить Малиновского из-под стражи и прислать его ко мне в Наркомпрос для установления той работы, которую наркомпрос может поручить ему. Наркомпрос Луначарский».

Резолюция: «Штейнгардту. Ваше заключение. 20.12.1920» [Архив УФСБ РО, л. 87]. Но, видимо, Штейнгардт нового заключения писать не стал (во всяком случае, в деле его нет), а Президиум ВЧК фактически подтвердил принятое Самсоновым решение.

«Выписка из протокола заседания Президиума ВЧК от 22.12.1920.

Слушали: дело № 7542 Малиновского и других (на санкцию из Донской ЧК). Доклад Голунковского.

Постановили: ЗаклЮчить в лагерь на 15 лет.

Секретарь ВЧК Н. Мещеряков. 24.12.1920» [Архив УФСБ РО, л. 3].

После заседания Президиума ВЧК в наркомпрос Луначарскому была направлена телефонограмма: «Прошу прислать мне документ о соглашении Вашего с Дончека о присылке Малиновского в распоряжение Наркомпроса. Пред. ВЧК Ф. Дзержинский. 23.12.1920» [Архив УФСБ РО, л. 6].

Видимо, указанного документа не оказалось, но просьбы об освобождении со стороны Луначарского повторились 28.12.1920.

Дело вновь вернули на заключение тому же Голунковскому. Голунковский указал, что «усугубляющим вину обстоятельством явилось то, что означенный гр. Малиновский И.А. достиг определенной культурной ступени, будучи профессором Донского университета, следовательно, прекрасно отдавал себе отчет в своих поступках». Кроме того, Голунковский написал, что Малиновский «бессовестно врал», отрицая, что он был министром народного просвещения при Деникине, а таковым якобы был некто Малинин. Но начальником Управления народного просвещения (министром) при Деникине в феврале–декабре 1919 г. действительно был И.И. Малинин, видный либерал. Малиновский, как оказалось, говорил правду. И еще один довод привел Голунковский – «полагаю, что ВЧК, как боевой революционный орган и зоркий глаз Республики, знает прекрасно, кто из граждан может быть полезен революции и кто, наоборот, является вредным контрреволюционным паразитом. Гр. Малиновский И.А. Постановлением Президиума ВЧК осужден на 15 лет лагеря и, не взирая ни на какие ходатайства (выделенное зачеркнуто – А.В.),

полагаю, освобожден быть не может. Сотрудник поручений IV отдела СОВЧК Голунковский. 12.01.1921». Резолюция: «Согласен. 12.01.1921. Самсонов». И ниже рукой Ф. Э. Дзержинского написано: «Все ходатайства оставлять без последствий в смысле освобождения. Ф. Дзерж...» [Архив УФСБ РО, л. 4].

Луначарскому ответили: «Наркомпрос тов. Луначарскому. На 28.12.1920.

Дело Малиновского было рассмотрено лично тов. Дзержинским и на заседании Коллегии от 12/см было постановлено: в освобождении гр. Малиновского отказать: о чем довожу до вашего сведения. Секретарь Президиума ВЧК. 13.01.1921» [Архив УФСБ РО, л. 86].

И все же государство пошло на смягчение репрессивной политики. В марте 1921 г. был издан декрет, что пределом лишения свободы является срок в 5 лет. Содержание декрета было доведено до органов приказом ВЧК № 92 от 1 апреля 1921 г. [Архив УФСБ РО, Несекретные приказы ОГПУ 1921 г., 108], и Малиновскому 9 апреля 1921 г. срок был сокращен до 5 лет. [Архив УФСБ РО, л. 178].

13 июня 1922 г. Малиновский был «как специалист из под стражи освобожден и прикомандирован для работы к Наркомпросу в институт Советского права с обязательством еженедельной явки для регистрации в Покровский лагерь» [Архив УФСБ РО, л. 103]. Интересно, что, будучи арестованным, он участвует в разработке проекта Уголовного кодекса РСФСР и в написании учебника по уголовному праву. В апреле 1923 г. он был досрочно освобожден [Архив УФСБ РО, л. 188].

Известно, что в 1925 г. И. А. Малиновский стал академиком Всеукраинской Академии Наук (ВУАН), работал там в различных комиссиях и продолжал заниматься правом Великого княжества Литовского. В 1930 г. его уволили с должности и исключили из состава ВУАН. 12 января 1932 г. он умер в г. Киеве.

Возможно, исключение И. А. Малиновского из состава ВУАН связано с тем, что весной 1930 г. на Украине состоялся открытый процесс по делу «Союза освобождения Украины» во главе с вице-президентом Всеукраинской Академии наук (ВУАН) С. А. Ефремовым. Но это предмет другого исследования, связанного с историей Украины.

Что касается рассмотренных нами событий, то становится очевидным:

И. А. Малиновский был арестован не за конкретную антисоветскую деятельность, а в порядке системы взятия заложников, когда в тревожной обстановке большевиками арестовывались наиболее уважаемые и авторитетные члены общества; отсюда видно отношение большевиков к ученым – уже тем, что профессоров и доцентов брали в заложники, они показывали, что считают их людьми очень авторитетными, их возможный расстрел должен был остановить население Ростова от антисоветских выступлений; среди советской большевистской элиты соседствовали два подхода к ученым: а) «расчетливый и хозяйственный» (А. И. Луначарский), при этом А. И. Луначарский считал, что «через пару лет» заключения ученые «сделались бы

шелковыми и, конечно, не мало послужили бы нам как спецы»; б) непримиримый, при котором образование былоотягчающим обстоятельством, поскольку ученый «достиг определенной культурной ступени..., следовательно, прекрасно отдавал себе отчет в своих поступках», и носители этого убеждения решали «все ходатайства оставлять без последствий в смысле освобождения» (Ф.Э. Дзержинский). Тем не менее, в период нэпа власть пошла на смягчение отношения к ученым, однако, судя по судьбе профессора Малиновского, это «смягчение» закончилось на рубеже 20–30-х гг. XX в. в связи с наступлением нового этапа внутренней и экономической политики.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Архив УФСБ РО. Д. П-53176.

Архив УФСБ РО. Несекретные приказы ОГПУ 1921 г.

Венков А.В. Донская армия в борьбе с большевиками в 1919–1920 гг. М.: АИРО-XX1. 2013. 440 с.

Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г.–ноябрь 1920 г.). Ч. II. М.: ТЕРРА, 1992. 474 с.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1983. 704 с.

Деникин А.И. Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918–январь 1919. Мн.: Харвест, 2002. 560 с.

Из доклада Донской областной чрезвычайной комиссии за время с 1 апреля 1920 года по 1 мая 1921 года // На страже Отечества. Документы, воспоминания, очерки. Ростов-на-Дону: Изд-во «Юг», 1998. С. 26–32.

Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. М.: МФД, 2003. 768 с.

Морозова О.М. Нарратив профессора И.А. Малиновского // История научной интеллигенции Юга России: межрегиональные и международные аспекты. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2008. С. 61–70.

Памятные страницы // На страже Отечества. Документы, воспоминания, очерки. Ростов-на-Дону: Изд-во «Юг», 1998. С. 24–25.

REFERENCES:

Archive of the FSB RO. D. P-53176.

Archive of the FSB RO. Unclassified orders of the OGPU 1921.

Venkov A.V. *Donskaya armiya v borbe s bolshevikami v 1919–1920 gg.* [The Don army in the fight against the Bolsheviks in 1919–1920]. Moscow: AIRO-XX1, 2013. 440 p. (in Russian).

Wrangel P.N. *Vospominaniya. Yuzhnyy front (noyabr 1916 g. – noyabr' 1920 g.)* [Memories. Southern front (November 1916–November 1920)]. Part II. Moscow: TERRA, 1992. 474 p. (in Russian).

Grazhdanskaya voyna i voyennaya interventsia v SSSR [Civil war and military intervention in the USSR]. Moscow: Soviet encyclopedia, 1983. 704 p. (in Russian).

Denikin A.I. *Ocherki russkoj smuty: Vooruzhennye sily yuga Rossii. Raspad Rossijskoj imperii. Oktyabr' 1918–yanvar' 1919* [Essays of the Russian troubles: Armed forces of the South of Russia. The collapse of the Russian Empire. October 1918–January 1919]. Mn.: Harvest, 2002. 560 p. (in Russian).

Iz doklada Donskoj oblastnoj chrezvychajnoj komissii za vremya s 1 aprelya 1920 goda po 1 maya 1921 goda [From the report of the don regional emergency Commission for the period from April 1, 1920 to may 1, 1921], in *Na strazhe Otechestva. Dokumenty, vospominaniya, ocherki* [On guard of the Fatherland. Documents, memoirs, essays]. Rostov-on-Don: Yug publishing house, 1998. Pp. 26–32 (in Russian).

Lubyanka: Organy VCHK-OGPU-NKVD-NKGB-MGB-MVD-KGB. 1917–1991. Spravochnik [Lubyanka: Organs of the Cheka-OGPU-NKVD-NKGB-MGB-MVD-KGB. 1917–1991. Handbook] Moscow: MFD, 2003. 768 p. (in Russian).

Morozova O.M. Narrativ professora I.A. Malinovskogo [Narrative of Professor I. A. Malinovsky], in *Istoriya nauchnoj intelligencii Yuga Rossii: mezhregional'nye i mezhdunarodnye aspekty* [History of scientific intelligentsia in the South of Russia: interregional and international aspects]. Krasnodar: Kubankino Publishing House, 2008. Pp. 61–70 (in Russian).

Pamyatnye stranicy [Commemorative pages], in *Na strazhe Otechestva. Dokumenty, vospominaniya, ocherki*. [On guard of the Fatherland. Documents, memoirs, essays]. Rostov-on-Don: Yug publishing house, 1998. Pp. 24–25 (in Russian).